

Щавинская, Л. Л. Тысячелетнее конфессиональное бытие славянского пограничья: белорусы, лемки, поляки, украинцы / Л. Л. Щавинская // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол.: В. Н. Сидорцов. (отв. ред.) и др. – Мн: БГУ, 2004. – С. 250–252.

Л. Л. ЩАВИНСКАЯ
Российская Федерация, г. Москва

ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ БЫТИЕ СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: БЕЛОРУСЫ, ЛЕМКИ, ПОЛЯКИ, УКРАИНЦЫ

Уже в раннем средневековье в процессе христианизации славян были заложены многие фундаментальные основы различий между ними, позднее сделавшие даже возможным их деление по ряду признаков на восточных, западных и южных. При этом географическая ориентировка все же не играла главной роли, а скорее оказывалась сугубо номинальной. А вот отношение к кирилло-мефодиевскому наследию всегда составляло одну из центральных особенностей в разделении и одновременно взаимодействии славянских миров. Знаменательно, что миссия св. Кирилла и Мефодия всегда в той или иной мере чтится всеми славянами, за исключением, пожалуй, лишь боснийцев-мусульман, принявших ислам в последние несколько столетий, но ранее бывших христианами. Славяне-католики, особенно словаки, чехи, хорваты, чтят память св. Кирилла и Мефодия, считая основоположниками своей духовной культуры, в том числе литературы.

Есть немало свидетельств о том, что на западе средневековой Европы, или, точнее, *Mundus Latina*, само именование «славянин» свидетельствовало о принадлежности к прямым почитателям и последователям миссии св. Кирилла и Мефодия, в отличие от тех, кто был «латинником», следовал так называемому «латинскому обряду», то есть католическому. В средневековых западных хрониках мы найдем немало выражений типа «*Latinorum et Slavorum*», прямо означающих подобное противопоставление.

Особенно своеобразное положение с культом св. Кирилла и Мефодия и их традицией сложилось в польской среде. Собственно, в современном западном ученом мире вопрос этот во всей его остроте впервые был поставлен Христианом фон Фризе во второй половине XVIII в. [5]. К настоящему моменту можно считать доказанным влияние миссии св. Кирилла и Мефодия на территории юга современной Польши, хотя противников подобного видения остается немало, преимущественно в клерикальном и околоклерикальном ученом кругу. Свидетельство тому – знаменитая польская религиозная песнь-гимн, находка «подеблоцких таблиц» на исходе XX в. и др. [4].

Тогда же и в более поздние времена на польскую культуру в целом усиливается влияние восточных соседей, приверженцев «восточного обряда» – наследников Древней Руси. Это находит свое непосредственное отражение во всех сферах жизни, преломляется в языке, обычаях, различного рода идеях и доктринах. Постепенно начинают наблюдаться и весьма на первый взгляд необычные явления, например строительство в Польше особых костелов во имя св. Кирилла и Мефодия, что имело место уже во второй половине XIX в. Несомненно, все, что связано с почитанием св. Кирилла и Мефодия в католической церкви в XX в., необходимо рассматривать и с точки зрения возможных экуменических надежд, возлагаемых католичеством на этот культ. В 1985 г. папа Иоанн Павел II в своей «Славян-

ской энциклике» («*Slavorum Apostoli*») прямо провозгласил об этом, утверждая, что дело св. Кирилла и Мефодия «представляет выдающийся вклад в образование общих корней Европы». Современные польские католические экуменисты объявляют св. Кирилла и Мефодия «учителями объединения» православных и католиков [3].

Следы непосредственного влияния восточнославянской православной литургической практики на польскую католическую мы можем явственно наблюдать на польско-восточнославянском культурном пограничье, в том числе находящемся ныне на территории Польши. Так, в Перемышльской католической епархии день поминаения св. Кирилла и Мефодия праздновался в XVI в. и позднее. Совершенно особую картину в этой связи можно видеть на порубежье бывшего Мазовецкого княжества и Великого княжества Литовского, о чем свидетельствуют самые различные факты, весьма заметно, хотя и мозаично дополняющие общее представление об этом многовековом явлении. Все это никоим образом не было связано с поздней, начавшей активно пропагандироваться лишь в XX в., идеей экуменизма. Более того, на польско-восточнославянском пограничье образовалась особая культурная зона, многовековая судьба которой свидетельствует о сложнейшем драматическом процессе взаимодействия западного и восточного христианских миров, который, кажется, исторически опровергает реальность жизненного воплощения этой идеи.

В то время как некоторые польские католические теологи в первой половине XX в. все чаще стали склоняться к предэкуменическим воззрениям, в реальной жизни межвоенной Польши (1918–1939) идет массивное наступление на православие, вплоть до массовых разрушений православных храмов, заключения наиболее активных православных мирян и священников. Послевоенный период отмечается поголовной депортацией польскими властями православных и греко-католиков с мест их постоянного проживания в течение столетий в СССР и на так называемые «обретенные земли» – территории, отошедшие к Польше в результате поражения Германии во Второй мировой войне. Жившие на своих исконных землях до середины XX в. непосредственно южнее г. Кракова, восточные славяне (лемки) в небольшом числе ныне заселяют территории значительно восточнее, хотя на прежних западных границах расселения восточных славян в Польше сохранилось довольно много памятников, в том числе и письменных, их многовекового пребывания там. В ходе одной из наших экспедиций удалось исследовать и самую западную и, пожалуй, самую загадочную область распространения в межвоенной Польше живой кирилло-мефодиевской традиции, расположенную у подножия Пенин в междуречье Дунайца и Попрада – Русь Шляхтовую, или, иначе, Шляхтовскую Русь [1].

По сей день отношения между православными, греко-католиками и католиками в Польше, особенно на бытовом уровне, опровергают жизненную реальность экуменизма. Если же к этому добавить все еще поддерживаемую польским католическим костелом неоунию, провозглашенную его представителями и предстоятелями в межвоенной Польше и перечеркивающую все основополагающие представления экуменической доктрины, то разговоры об экуменизме становится трудно вести даже на теоретическом уровне. На практике же, особенно в местах поселений традиционных исповедников кирилло-мефодиевского культурного начала – православных белорусов, православных украинцев и украинцев-греко-католиков, о каком-либо реальном проявлении экуменизма в современном его понимании говорить пока не приходится. Слишком болезненны и глубоки раны, нанесенные местному восточнославянскому населению многовековой польской католической экспансией, в целом практически не прекращающейся по сей день, о чем свидетельствует массовая денационализация здешних восточных славян, прежде всего белорусов и украинцев.

Совсем не случайными в этой связи кажутся недавно сказанные слова посла сейма Польши, члена Комиссии по национальным и этническим меньшинствам, известного бе-

лорусского общественного деятеля Евгения Чиквина о белорусах в современной Польше: «Что еще может спасти от полной полонизации и объединить – это Православная

Церковь. Я считаю, что Православие для нас не просто декларация веры. Это тип культуры, это то, что еще определяет нас как нацию» [2].

1. *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши. М., 1999.
2. *Чыквін Я.* Спадзяюся на міжпарламенцкую польска-беларускую групу... // Голас Радзімы. 2001. 5 снеж.
3. *Górka L., SVD.* Święci Cyryl i Metody a pojednanie: Słowiańskie dziedzictwo w służbie jedności Kościołów i narodów. Warszawa; Lublin, 2001.
4. *Klinger J.* Nurt słowiański w początkach chrześcijaństwa polskiego. Białystok, 1998.
5. *Friese Ch. G., von.* Kirchengeschichte des Königreiches Polen vom Ursprunge der christlichen Religion in diesem Reiche. Breslau, 1786.